

АВСТРАЛИАДА

"РЫНДА" В ГОСТЯХ У АВСТРАЛИЙЦЕВ

СИДНЕЙ

1998 г.

Священник-социалист или самозванец-доносчик: К биографии Николая Мановича

Иннокентий Суворов в своем сообщении (Австралиада, № 15) о материалах протоиерея Иакова Корчинского высказывает любопытное предположение, что Николай Манович мог быть уннатским ксендзом. Действительность оказалась еще сложнее. Дело в том, что после публикации моей статьи о Мановиче (Австралиада, № 13) мне удалось разыскать новые материалы, хранящиеся в Государственном архиве Квинсленда (file A/45328), которые дают этой истории новый, поистине детективный поворот.

Досье Мановича начинается 16 декабря 1911 г. с письма российскому генеральному консулу в Австралии от некоего мистера Хоузэя из Данидина, в Новой Зеландии. Автор письма—член местной православной общины—пишет, что русский священник Николай Манович, приехав в Данидин из Канады, возглавил их общину (состоящую, очевидно, преимущественно из сирийцев и греков) и организовал строительство церкви, где вел службу. Члены общины обратились к Патриарху Дамасскому с просьбой выслать книги и иконы, упомянув, что у них есть православный священник. В ответ они получили материалы расследования, предпринятого Патриархом, об их священнике. Патриарх сообщил, что по данным, полученным из Канады, США и России, священник Манович нигде не значится и что их Манович был известен в Канаде под именем Николая Зайцева. Лет 18 назад, писал Патриарх, там появился монах, изгнанный из монастыря за какую-то провинность, который подружился с Зайцевым. Через несколько лет упомянутый монах каким-то образом получил звание Епископа (очевидно, православного) всей Канады и он-то возвел Зайцева и еще трех лиц в сан священника. Православный Синод Нью-Йорка и Канады ополчился против новоявленных священников, после чего они основали свой собственный Синод, назвав его Независимые православные Канады. Епископ вскоре был выслан в Россию и арестован. Оставшись один, Зайцев попытался передать свою паству в лоно пресвитерианской церкви и даже получил за это деньги. Когда же этот план не удался, он стал писать статьи и книги, где высказывал свои неортодоксальные взгляды на православие. Подвергшись гонениям со стороны Православного Синода и прихожан, он напечатал в газетах сообщение о смерти Зайцева, а сам объявился в Австралии под именем Николая Мановича.

Узнав об этом, потрясенные члены Данидинской общины призвали Мановича к ответу. Тот отрицал, что он и Зайцев—одно и то же лицо и передал свои бумаги относительно возведения его в сан священника для пересылки Патриарху. Рассмотрев бумаги, Патриарх подтвердил, что епископ, возведший Мановича в сан священника, нигде не значится. Убедившись, что Манович не "настоящий священник", верующие изгнали его из Данидина и послали предупреждение о нем в Австралию, и в частности в Брисбен, куда направлялся Манович. (Согласно его документам о натурализации он приехал в Австралию в 1909 г. и поселился в Брисбене в середине 1911 г., объехав предварительно другие штаты).

Вскоре дело Мановича оказалось в руках уголовной полиции Квинсленда. В ее отчете 9 января 1912 года сообщалось, что прибыв недавно в Брисбен, Манович обратился к священнику У. Майтленду Вудсу (W. Maitland Woods), настоятелю Англиканской церкви Св. Мери на Кенгуру Поинт, назвавшись отцом Николаем Мановичем, священником русской православной церкви. В качестве рекомендации Манович передал Вудсу привет от "русской леги" с Новой Зеландии, доброй знакомой Вудса. Манович объяснил Вудсу, что должен был покинуть Россию вследствие своего увлечения социалистическим учением и что с тех пор он был в Канаде и Новой Зеландии, причем в последнем месте он подвергся сильной оппозиции со стороны сирийцев, принадлежащих к православной греческой церкви. Вудс отнесся к Мановичу с доверием, помог ему найти работу упаковщика, а потом предоставил ему и комнату в школе при церкви Св. Мери для еженедельных православных богослужений, которые посещали русские иммигранты. (Начало этих богослужений можно датировать второй половиной 1911 г.)

Дальше, по-видимому, произошло следующее. Уголовная полиция допросила не только Вудса, но и самого Мановича, и не просто допросила, а пригрозила ему разоблачением, если он не станет сотрудничать с ней, предоставляя сведения о деятельности радикальной Русской ассоциации, образованной в самом конце 1911 года. Очевидно, Манович вынужден был согласиться на это. Материалов об этом конфиденциальном соглашении в его досье нет, но среди других документов, связанных с русскими, есть два отчета уголовной полиции за февраль 1912 года, начинающиеся словами "На основе беседы с Мановичем сообщая следующее..." и описывающие деятельность русских радикалов в дни всеобщей забастовки, когда они планировали соединить силы с австралийскими социалистами. Говорится там и о планах создания политического Русского клуба. Характерная деталь к нравам времени: из горстки его организаторов чуть ли не половина была полицейскими агентами или уголовниками.

Пока неизвестно, продолжал ли Манович сотрудничать с австралийской полицией и в дальнейшем, но складывается впечатление, что она относилась к нему снисходительно и не предпринимала никаких мер против него. Так, когда в сентябре 1912 г. российский генеральный консул А.Н.Абаза выступил с новыми разоблачениями Мановича, называя его самозванцем и заявляя, что, согласно законам Российской Империи, браки, заключенные Мановичем не действительны, полиция сослалась на самого Мановича, объяснившего ей, что он и не утверждает противоположное, а просто освящает брак по православному обряду по желанию самих брачующихся. Несомненно, что, в отсутствие "настоящего" православного священника в Австралии, Манович и дальше продолжал свои богослужения. Об этом свидетельствует и замечание протоиерея Иакова Корчинского, который в 1916 г. стремился "побороть влияние" Мановича на брисбенских русских. Наконец удалось установить и дату смерти Мановича. Он умер 11 апреля 1925 года, причем в свидетельстве о смерти никаких данных о его родителях не указывалось.

Итак, кажется все ясно—Манович никто иной как самозванец-доносчик, но я не хотела бы делать столь категоричное утверждение, пока мы не выслушали и другую сторону—самого Николая Мановича, его потомков и прихожан. Эта история лишний раз доказывает, что русское православие и православные перед революцией отнюдь не были единым монолитом, и, главное, говорит о том, как сложна была духовная эволюция русских, навсегда оторванных от России. Да и судьба одного человека—вправе ли мы судить его из нашего сегодня?